Литература

- Батмаев М. М.* Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. 256 с.
- Гендер в британской и американской лингвокультурах: монография / Е. С. Гриценко, М. В. Сергеева, А. О. Лалетина, А. А. Бодрова, Л. Г. Дуняшева; отв. ред. Е. С. Гриценко.* М.: Наука, 2011. 224 с.
- Монраев М. У.* Хальмг келнэ синонимсин толь. Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 208 с.
- Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.
- Грамматика калмыцкого языка.* Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 335 с.
- Eckert P., McConnell-Ginet S.* Language and gender. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 366 p.
- Miller C., Swift K.* Words and Women. New York: Anchor Press, 1977. 244 p.
- Mintz S.* Mothers and Fathers in America: Looking Backward, Looking Forward [Электронный ресурс] // URL: <http://www.digitalhistory.uh.edu/historyonline/mothersfathers.cfm> (дата обращения: 25.01.2012).
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A comprehensive grammar of the English language. New York: Longman Inc., 1985. 1779 p.
- Spencer D.* Man made language. Ontario: Pandora Press, 1990. 272 p.

УДК 811.512.37

ББК 81.2(2Рос.-Калм.)

**ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ В ФОЛЬКЛОРНОМ ДИСКУРСЕ:
ЖАНР КАЛМЫЦКОЙ ПЕСНИ В СВЕТЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО И
КОРПУСНОГО ПОДХОДОВ ***

Э. У. Омакаева

Калмыцкая песня — уникальное явление в традиционной культуре народа, музыкально-поэтический феномен, являющийся важной составляющей жизни кочевника. Жанр песни выделяется по своей массовости и социальной значимости. Песня отражает потребность человека в словесно-поэтическом выражении своих чувств, в эмоциональном переживании наиболее важных событий и значимых моментов жизни в их образно-символическом эстетическом представлении.

Целесообразно активнее использовать калмыцкие песни в качестве учебного материала при обучении языку в силу их высокого креативного потенциала и сильного эмоционального воздействия на адресата, ибо во время слушания и разучивания лаконичных по форме и в то же время емких по содержанию песенных текстов действуют психологические механизмы непроизвольного запоминания. Структурная и смысловая многослойность, многомерность фольклорного текста отражаются в механизме его восприятия и постижения.

Адекватное представление о песенном фольклоре как полифункциональном явлении калмыцкой народной культуры может обеспечить лишь многоаспектное исследование, включая типологический и коммуникативный аспекты [Неклюдов 2002]. Только через речь, текст языковая система и ее единицы выполняют свое коммуникативное назначение.

Любой связный текст имеет коммуникативную установку, воплощает в себе определенную цель коммуникации. Песня в своем реальном бытовании всегда есть речевой акт, высказывание. Но для осуществления фольклорной коммуникации необходимо не только наличие говорящего и слушающего, но и их взаимная ориентированность, «настроенность» друг на друга: в фольклорном тексте «реализуется процесс общения говорящего и воспринимающего, их взаимная активность» [Чистов 2005: 157].

Важность изучения языка фольклорных текстов обуславливается растущим интересом исследователей к проблеме взаимодействия языка, культуры и человека как

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика» (проект «Национальный корпус калмыцкого языка»)

носителя данного языка и данной культуры. Современное развитие филологической науки вносит значительные коррективы в проблематику и методику исследования языка фольклора: неэффективность как чисто лингвистического, так и чисто фольклористического подхода давно стала очевидной. Появились новые направления, возникшие в результате интеграции языкознания с другими областями научного знания, — этнолингвистика, лингвокультурология, лингвокогнитология, лингвофольклористика и т. д., для которых характерен междисциплинарный подход и общая антропоцентрическая направленность.

В последнее десятилетие калмыцкая лингвистическая наука обратила свой взор на фольклорные тексты, ставшие объектом многоаспектного изучения: исследователи анализируют жанрово-стилевую специфику языка фольклора, структуру текста, особенности функционирования в фольклорных текстах языковых единиц разного уровня и т. д. Иными словами, внимание лингвистов смещено с системы языка на его функционирование и сосредоточено на изучении языка сквозь призму текста и — шире — культуры как совокупности текстов. Это повлекло за собой расширение сферы языковой реальности, введение в лингвистический обиход новых понятий (напр., концепта, кластера и др.).

Сейчас лингвофольклористика справедливо считается одной из перспективных отраслей лингвистики [Хроленко 1992; 1998], а важнейшей задачей ученых, ведущих исследования в этом русле, является описание языковой организации устно-поэтических текстов разных жанров в сравнительно-сопоставительном аспекте. При этом предполагается, что язык произведения детерминирован идейно-эстетической установкой жанра, жанровой прагматикой.

Филологическое изучение монголоязычного фольклора, предопределившее возникновение калмыцкой лингвофольклористики как специальной научной дисциплины, началось в последней четверти XIX века, когда российские монголисты [Позднеев 1880 и др.] развернули деятельность по собиранию устно-поэтических произведений монгольских народов.

Правомерность обращения к заявленной теме обуславливается как общей слабой изученностью песенного жанра в калмыковедении, так и его сложной судьбой. Теорети-

ческая и методологическая неразработанность рассматриваемой проблематики, ее практическая значимость и побудили нас избрать в качестве предмета исследования песенное текстообразование. Это связано и с углублением наших теоретических представлений о сущности таких понятий, как жанр, текст, высказывание, дискурс.

Жанр мы определяем как тип текста (высказывания) в рамках определенного дискурса. Рассмотрим жанр народной песни сквозь призму лингвофольклористики. Какие новые возможности открываются перед нами при дискурсивном анализе музыкально-поэтического текста в контексте коммуникативной ситуации?

Мы не раз писали о том, что калмыцкая песня до сих пор мало привлекала внимание ученых [Омакаева 1995; 2009]. Изучением песни занимались, в основном, музыковеды и фольклористы (история вопроса изложена в [Омакаева, Убушиева 2010]). Между тем давно уже назрела необходимость комплексного ее анализа. Постановка такой задачи стала возможной лишь сегодня, когда традиционная область фольклорных явлений, созданных в конкретную историческую эпоху и представляющих устную культурную традицию, может быть по-новому осмыслена и даже существенно пересмотрена через призму языка. Но лингвистические исследования, к сожалению, единичны, что, на наш взгляд, связано с тем, что калмыцкая лингвофольклористика находится в стадии становления. Специфические характеристики калмыцкоязычного песенного текста, связанные с вопросами фольклорного текстообразования и синтаксическим строем народно-поэтической речи, еще не были предметом специального лингвистического анализа.

Национальное своеобразие калмыцких народных песен выражается посредством особым образом структурированной системы языковых средств, символов, персонажей, семантических пространств. Именно эти особенности предопределили специфику лексико-синтаксической организации одного из популярных жанров калмыцкого фольклора, изучение которой сопряжено с выявлением культурных смыслов, аккумулярованных в отдельных лексемах, формулах, текстах и в корпусе текстов.

Анализ языка песенного текста как с формальной, так и с содержательной стороны требует фронтального описания язы-

ковых единиц и их поэтического функционирования. В связи с этим считаем необходимым рассмотреть ряд терминов, отражающих ключевые понятия лингвистики, значимых для анализа фольклорного текста, которые могут быть применены и для исследования языка калмыцкого фольклора.

Изучение слова как центральной, базовой единицы языка является одной из самых важных проблем языкознания. Проблеме статуса фольклорного слова и текста посвящен ряд работ ведущих российских ученых [Мелетинский и др. 1994; Неклюдов 2003 и др.].

Важным является выявление семантической структуры песенного слова, семантических категорий словаря языка народных песен как инструмента адекватного понимания фольклорного текста. Описание фольклорного слова невозможно без тщательного изучения семантических свойств и значений лексемы (особенно существительного, прилагательного и глагола), ее синтагматики и парадигматики, способности вступать в связи с другими словами и образовывать различные конструкции.

Как известно, слова существуют не сами по себе, а для построения высказывания. Однако многие кардинальные проблемы, связанные со словом и его свойствами, а также с его функционированием в тексте, до сих пор не имеют общепринятого решения. К подобным проблемам относится и проблема классификации слов и, шире, проблема соотношения лексики и грамматики.

Слова в песне объединены в замкнутые тематические группы, составляющие характерные семантические поля. Классификация слов по тематическим группам осуществляется на основании общности семы или нескольких сем, входящих в значение слов. На лексическом уровне необходимо проследить тематическое единство ключевых слов песенного текста. Опорные, ключевые слова являются координатными точками песенного текста.

Несомненным достоинством функционального корпусного метода исследования песенной лексики является то, что он позволяет дополнить традиционное статическое изолированное описание слов динамическим в условиях текстового функционирования. Общепризнанным сегодня является выход за пределы слова и отдельного предложения в текст и сосредоточение внимания на анализе целого речевого произведения.

Попытки выделить и отдельно обозначить высказывание свидетельствуют о том, что осознана необходимость изучения синтаксиса не только в рамках предложения (“изнутри”, т. е. с точки зрения его составляющих), но и “снаружи”, т. е. с учетом контекста. Это стало неизбежным по ряду причин: с одной стороны, этого потребовал анализ факторов организации высказывания (напр., порядка слов), анафорических местоимений как средства межфразовой связи, а с другой — возникла потребность в изучении самих текстовых построений, представляющих собой такое семантическое и грамматическое целое, в котором самостоятельные высказывания выступают лишь в качестве составляющих текстовых блоков [Артеменко 1982; 1988].

Конечно, текст представляет собой очень сложное лингвистическое явление, по-разному трактуемое в работах российских и зарубежных лингвистов. Термин «текст» сегодня широко используется не только в лингвистике, но и в литературоведении, семиотике, культурологии, эстетике, философии и т. д. Это, «бесспорно, один из самых употребимых терминов в науках гуманитарного цикла» [Лотман 1970: 19]. В то же время следует иметь в виду, что данный термин крайне неоднозначен. Для нас важно подчеркнуть, что текст как языковая данность и текст как продукт речевой деятельности, т. е. собственно речь, — два тесно связанных между собой, но принципиально разных явления.

В исследованиях последнего времени термины *текст* и *дискурс* употребляются авторами, как правило, без приведения конкретизирующих разъяснений дефинитивного характера. Не вдаваясь здесь в полемику, отметим, что часто употребляемые как синонимы текст и дискурс — не одно и то же: текст — это лишь одна из его составляющих. Текст по отношению к дискурсу может рассматриваться как его фрагмент, как элементарная (базовая) единица дискурса [Звегинцев 1976], а дискурс — как целый текст или совокупность объединенных каким-либо признаком текстов [Арутюнова 1990]. П. Серио выделяет восемь значений термина «дискурс» [Серио 1999: 26-27].

Термин «песенный дискурс» используется нами как «совокупность тематически соотнесенных текстов» [Чернявская 2001: 14] и, несколько шире, как совокупность текстов песен (в нашем случае это лириче-

ские песни), характеризующихся специфическими языковыми особенностями: лексическими, синтаксическими и т. д. [Плотницкий 2005: 4].

Рассмотрим основные свойства текста песни с точки зрения их проявления и функционирования в дискурсе. Текст любого объема и любого жанра может быть разбит на минимальные блоки, каждый из которых имеет свою микротему и общую коммуникативную установку, ради которой, собственно, и порождается текст.

Основными признаками структуры песенного текста, как и текста вообще, являются целостность и связность, что обеспечивается различными текстовыми категориями, совершенно не изученными в калмыцкой лингвистике текста. Развитие теории лингвистики текста открывает новые перспективы и возможности более детального исследования языковых явлений на материале различных типов текста.

Изучение языковых средств, участвующих в организации песенного текста, показало, что существующая в калмыцком языке специфическая морфологическая категория, наряду с универсальными языковыми средствами связи, также обеспечивает связность текста. Речь идет о категории личного притяжания, о которой мы уже писали в наших ранних работах в связи с категорией подлежащего [Омакаева 1985].

Рассмотрим своеобразие грамматических категорий слова, функционирующих в тексте вообще и фольклорном в частности, на примере лично-притяжательных формантов - м, - чнь, -тн, -мидн, -нь. Словоформы с аффиксами личного притяжания фонетически и графически представляют собой единое целое: ээжм (мама-моя)».

Основная функция лично-притяжательных показателей, как уже ясно из их названия, заключается в указании на принадлежность предметов лицу или лица другому лицу: ахм (брат-мой), ахчнь (брат-твой), ахтн (брат-Ваш, ваш), ахнь (брат-его), ахмидн (брат-наш).

В монголоведной литературе отмечается, что в ряде случаев данные показатели теряют семантику притяжательности и служат лишь для выделения подлежащего. Однако даже беглый просмотр ряда примеров показывает, что лично-притяжательные аффиксы в своей вторичной функции (согласно традиции — функции синтаксической) не могут служить маркерами подлежащего,

т. к. один и тот же показатель -нь встречается как при актантах, так и при сирконстантах (обстоятельствах). Более того, он может употребляться с разными актантами: подлежащим, предикативным членом, дополнением.

Нам представляется, что наиболее употребляемый показатель -нь является маркером данного, т. е. ориентирован на нужды коммуникативно-прагматического членения высказывания с точки зрения слушающего. С его помощью выделяется то, что является для слушающего известным в коммуникативном плане, т. е. предположительно существующим в сознании слушающего в момент произнесения высказывания (значение притяжательности отсутствует). Категории данного и темы часто совпадают, но мы не должны их смешивать.

Показатели личного притяжания могут выполнять и некоторые другие функции, например, экспрессивно-стилистическую (подчеркнутого выделения). Аффиксы личного притяжания как анафорическое средство связи указывают на предшествующие слова и отсылают к ранее сказанному, т. е. антецеденту [Цырендоржиева 2007; 2008]. Они участвуют в реализации тема-рематических отношений: могут функционировать как в составе темы, так и в составе ремы высказывания, в качестве маркеров данного обеспечивают связность текста, тем самым реализуя текстообразующую функцию. Единство темы – признак целостности текста.

С точки зрения фольклорной лексикографии актуальным является создание этнолингвистического словаря «Калмыцкая народная поэтическая лексика», направленного не только на толкование значения того или иного слова, но и на раскрытие семантики лексем, выполняющих в тексте культурные функции (символические, ритуальные).

Песенное слово обладает большей семантической амплитудой, чем обычное слово. Нас интересуют прежде всего фоновая информация и способы ее передачи в тексте песни. К таковой мы относим знания социокультурного характера, которые известны и автору, и получателю текста. Общность информации определяется принадлежностью к одному этноязыковому коллективу со свойственной ему картиной мира. Носителями фоновой информации выступают имена собственные, этнографические термины

и др. Так, имя песенного героя обладает повышенной знаковостью, не присущей бытовому имени.

Широкую популярность и повсеместное распространение получила песня о национальном герое Галдаме. Первоначально сложенная на территории проживания ойратов, эта песня затем распространилась среди других народов, в частности бурят и калмыков. Песня о Галдаме за все время существования (более трехсот лет) не утратила своего исторического значения, она исполняется ойратами Монголии до сих пор. В начале XVIII века среди калмыков появилась песня о Шуна-батыре, личность которого до сих пор представляет загадку. Героями исторических песен являются воины, князя и ханы (песни о Мазан-батыре, Митр-нойоне, Убаши-хане и др.).

Следует также отметить, что параллельно с исконной лексикой в песне всегда присутствует и заимствованная, которая в свою очередь дает обширный материал для исследования культурных влияний народов, имевших тесные контакты с ойратами, калмыками и монголами, — прежде всего русского, тюркских этносов и народов Северного Кавказа.

Видимо, в словарь языка народной песни должны быть включены все слова текста, но полное семантическое описание может быть дано только ключевым словам (словам, выполняющим определенные эстетические функции) — поэтическим словам-концептам вне зависимости от их частеречной принадлежности (существительные, обозначающие признак, качество или свойство предметов; глаголы, обозначающие действие в широком смысле слова; числительные, связанные с нумеративной символикой; прилагательные с цветовой символикой). Эти лексемы достаточно подробно описаны в обычных словарях, но поэтический контекст меняет их привычный лексикографический портрет с учетом статуса фольклорного слова.

Характерная черта синтаксиса калмыцких народных песен — эллиптичность. Приведем в качестве примера куплет калмыцкой народной песни «Бичкн арлын хулсн» («Камыш маленького острова»): Хол гиж бичэ сан, / Хойр мөрн кургх. / Хоома гиж бичэ сан, / Хойр зүркн хархх. «(Ты) не думай, что (я) нахожусь далеко от тебя, / Два коня доведут. / Не считай, что (я) ленив, / Два сердца встретятся». Здесь в позиции

подлежащего опущены личные местоимения, что говорит о неполноте приведенных высказываний. Эллипсис можно рассматривать как средство текстообразования, снижающее избыточность текста.

Нами представлены результаты предварительных наблюдений над функционированием некоторых языковых категорий в песенном дискурсе. Изложенные выше положения — это результат осмысления, обобщения и творческого преломления идей ученых, занимающихся проблемами фольклорного текста как объекта теоретической лингвистики. Поскольку сама природа фольклора является «вибрирующей» (в терминологии К. В. Чистова), в силу его вариативности методика изучения фольклорного текста отличается от приемов анализа художественного произведения.

Объединяя филологический и культурологический аспекты исследования фольклора, лингвофольклористика, перспективность развития которой мы видим в комплексном изучении песенного текста, включающем выход за рамки традиционного филологического взгляда на фольклор за счет культурологической составляющей, предполагает интегрированный подход к анализу устно-поэтической речи, позволяющий определить статус языка фольклора, глубже проникнуть в природу фольклорного слова, а также выявить и описать то, что находится за пределами семантики фольклорного слова и текста — этнокультурные доминанты.

Песня рассматривается нами как синтетический фольклорный жанр, вербальная сторона которого представляет собой стихотворный текст. Наиболее существенными особенностями текстов калмыцкого песенного дискурса являются, на наш взгляд, ярко выраженная диалогичность, персональность и модальность.

Следует также отметить своеобразное ритмико-композиционное построение песни; многозначность, метафоричность и образность фольклорного слова; наличие подтекста; особую эмоциональность; имплицитный («скрытый») сюжет, развитие которого проявляется в смене переживаний лирических героев; воздействующую функцию. Лидирующее место среди тропов занимает метафора, а среди лексико-стилистических и синтактико-стилистических приёмов — повтор и параллельные конструкции.

Язык калмыцкого фольклора, являясь жанрово дифференцированным, четко связанным с определенными эстетическими канонами, представляет собой богатый материал для решения многих вопросов лексикологии, семантики, синтаксиса, текстологии, а также достаточно сложной проблемы взаимодействия категорий грамматики и стиля, грамматики и поэтики.

В заключение подчеркнем, что мы в данной статье только наметили сложную и неоднозначную проблему, которая требует своей дальнейшей разработки. Лингвистическое изучение калмыцкого народного песенного дискурса представляется нам важным как для раскрытия собственно языковой специфики песенного текста, характеристики системы его лексико-семантических, синтаксических и изобразительно-выразительных средств, так и для более углубленного исследования языка и стиля калмыцкого фольклора в целом.

Заявленное понимание лексической, семантической и синтаксической структуры фольклорного текста имеет значительный потенциал для решения актуальных вопросов современной лингвофольклористики.

Литература

- Артеменко Е. Б.* О принципах художественно-синтаксической организации текстов песенного фольклора // Поэтическая стилистика. Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та, 1982. С. 56–72.
- Артеменко Е. Б.* Принципы народно-песенного текстообразования. Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та, 1988. 173 с.
- Арутюнова Н. Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.
- Звегинцев В. А.* Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд-во МГУ, 1976. 307 с.
- Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С.* Статус слова и понятие жанра в фольклоре // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / отв. ред. П. А. Гринцер. М.: Наследие, 1994. С. 39–104.
- Неклюдов С. Ю.* Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты // Традиционная культура. 2002. № 3. С. 3–7.
- Неклюдов С. Ю.* Специфика слова и текста в устной традиции // Евразийское пространство: Звук, слово, образ / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов, сост. Л. О. Зайонц, Т. В. Цивьян. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 108–119.
- Омакаева Э. У.* О категории «подлежащее» в монгольском языке // Исследования по грамматике и лексике монгольских языков. Элиста: КНИИИФЭ, 1985. С. 101–118.
- Омакаева Э. У.* Фольклорный текст как объект лингвистического изучения (к проблеме типологии языков и типологии культур) // Алтай и тюрко-монгольский мир. Мат-лы конф., посв. 70-летию исследователя алтайского фольклора С. С. Суразакова. Горно-Алтайск: Горноалтайская респ. тип., 1995. С. 83–85.
- Омакаева Э. У.* Фольклорный поэтический текст монголоязычных народов сквозь призму этнолингвистики и кросс-культурных контактов: история и современность // Proceedings of the Second International Conference “Past and Present of the Mongolic peoples”. Tokyo, 2009. Pp. 342–352.
- Омакаева Э. У.* Лексика и синтаксис поэтического текста в этнолингвистическом освещении: к постановке проблемы (на материале калмыцких протяжных песен) // Кочевые цивилизации Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы: сб. мат-лов. 1 Междунар. науч.-практ. конф. Часть 2. Красноярск, 2008. С. 121–125.
- Омакаева Э. У., Убушиева Б. Э.* Песенный текст как объект лингвистического исследования сквозь призму языковой картины мира: состояние и перспективы изучения (на материале лексики калмыцкой народной песенной поэзии) // Научная мысль Кавказа. 2010. № 4. Ч. 2. С. 36–39.
- Плотницкий Ю. Е.* Лингвостилистические и лингвокультурные характеристики англоязычного песенного дискурса. Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Саратов, 2005. 17 с.
- Позднеев А. М.* Образцы литературы монгольских племен. Вып. I. Народные песни монголов. СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1880. 346 с.
- Серио П.* Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и португ. М.: Прогресс, 1999. С. 14–53.
- Хроленко А. Т.* Современная отечественная лингвофольклористика: Цели, проблемы и перспективы // Русистика сегодня. Функционирование языка: Лексика и грамматика. М.: Наука, 1992. С. 153–166.
- Хроленко А. Т.* Словарь языка фольклора как база этнолингвистических исследований // Слово

- и культура. Памяти Н. И. Толстого. М.: Индик, 1998. С. 284–291.
- Цырендоржиева Б. Д.* Функционирование категории притяжания как средства межфразовой связи (на материале бурятского языка) // Живой язык: теоретические и социокультурные аспекты функционирования и развития современных монгольских языков: Мат-лы Междунар. конф. Элиста: КалмГУ, 2007. С. 117–119.
- Цырендоржиева Б. Д.* Межфразовые связи в современном бурятском языке (на материале категории личного притяжания). Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Улан-Удэ, 2008. 18 с.
- Чернявская В. Е.* Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. С. 11–22.
- Чистов К. В.* Фольклор. Текст. Традиция. М.: О.Г.И., 2005. 272 с.

УДК 81

ББК 81.2-3

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (на материале китайского, русского и калмыцкого языков)

С. В. Сумьянова, Л. Б. Олядыкова

Фразеологизмы заключают в себе глубокий внутренний смысл и красочны по форме. Присутствие этих специфических выражений в речи характеризует высокий уровень культуры говорящего и его лингвистические и экстралингвистические знания.

Цель статьи — показать национальную специфику фразеологических единиц, особенности их значения, так как синонимы, имея одинаковые значения, часто различаются или дополнительными смысловыми оттенками, или стилистической окраской, или и тем и другим. Важно и то, что объединяет синонимы, и то, что их различает.

В качестве источника материала этой статьи послужил «Китайско-русский фразеологический словарь» О. М. Готлиба и Му Хуаин, содержащий около 3 500 выражений [2007]¹. Настоящий словарь является первым в российской синологии опытом составления чэньюев — наиболее употребительных и распространенных фразеологических единиц китайского языка, большая часть которых является четырехкомпонентными сочетаниями иероглифов, построенными по нормам древнего китайского языка.

Авторы словаря считают, что благодаря содержанию статей этот словарь можно использовать не только в переводческих целях, «но он может служить и для источниковедческого и семантического анализа самого широкого плана» [КРФС 2007: 8].

¹ Далее в тексте используется сокращение КРФС.

Фразеологизмы русского и калмыцкого языков были выбраны из «Фразеологического словаря русского языка» под ред. А. И. Молоткова [1978]², «Хальмг келнэ келц үгмүдин толь» («Фразеологический словарь калмыцкого языка») под ред. Г. Ц. Пюрбеева [1990] и «Калмыцко-русского словаря» под ред. Б. Д. Муниева [1977]³.

Словарная статья «Китайско-русского фразеологического словаря» содержит фразеологизм, его транскрипцию, комментарий, указание на источник и иллюстративный пример использования на китайском языке, калькированный перевод и идиоматические аналоги на русском языке, фразеологизмы-синонимы и фразеологизмы-антонимы.

При анализе словарных статей наше внимание было обращено на толкование фразеологизмов, их калькированный перевод на русский язык и их русские эквиваленты.

Таким образом, в данной статье предпринят семантический анализ фразеологических единиц китайского, русского и калмыцкого языков в сопоставительном плане.

С. Ю. Сизов, автор «Китайско-русского словаря идиом», пишет: «Было бы неправильно полагать, что китайские идиомы... можно полностью идентифицировать со схожими по смыслу русскими пословицами и поговорками. <...> ввиду различной куль-

² Далее в тексте используется сокращение ФСРЯ.

³ Далее в тексте используется сокращение КРС.